

Информация для цитирования:

Дроздова А. О. «Лучший из известных мне примеров относительности в литературе»: персональный свертхтекст Л. Н. Толстого в романе В. В. Набокова «Пнин» / А. О. Дроздова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 215—232. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-215-232.

Drozdova, A. O. (2024). 'Best Known Example of Relativity in Literature': Personal Supertext of L.N. Tolstoy in V.V. Nabokov's Novel "Pnin". *Nauchnyi dialog*, 13 (3): 215-232. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-215-232. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**«Лучший из известных
мне примеров
относительности
в литературе»:
персональный свертхтекст
Л. Н. Толстого в романе
В. В. Набокова «Пнин»**

Дроздова Анастасия Олеговна
orcid.org/0000-0001-5728-142X
кандидат филологических наук,
кафедра языкознания
и литературоведения
an.o.droz@gmail.com

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
за счет гранта Российского научного
фонда № 23-78-01025,
<https://rscf.ru/project/23-78-01025/>

**‘Best Known Example
of Relativity in Literature’:
Personal Supertext
of L.N. Tolstoy
in V.V. Nabokov’s Novel
“Pnin”**

Anastasiia O. Drozdova
orcid.org/0000-0001-5728-142X
PhD in Philology,
Department of Linguistics
and Literary Studies
an.o.droz@gmail.com

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-78-01025,
<https://rscf.ru/en/project/23-78-01025/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме интерпретации творчества и биографического мифа Л. Н. Толстого в романе В. В. Набокова «Пнин». Цель работы — рассмотреть, как через реконструкцию персонального сверхтекста Толстого Набоков передает свою философию времени. Вопрос представляется актуальным в контексте изучения историософии Набокова, а также рефлексии писателем собственной литературной генеалогии. В результате анализа выявлено, что в рецепции Набокова Толстой — национальный гений, сумевший воссоздать эффект естественного течения времени. Эксплицитные отсылки к Толстому и его биографии позволяют соотносить читательский опыт героев и их восприятие времени: от застывшего времени при чтении-исполнении до обратного хода времени при со-творческом чтении. Мотивы произведений Толстого актуализируют ключевую для Набокова поэтологическую проблему относительности времени. Хотя ненадежный рассказчик подчеркивает власть времени и судьбы над одиноким героем, в действительности Пнину доступно множество временных измерений. Как и в «Анне Каренине», прием временной синхронизации высвечивает соотносительность судеб персонажей. Персональный сверхтекст Толстого позволяет Набокову осмыслить тему семьи как вневременной связи между людьми, которая определяет место героев в мире.

Ключевые слова:

В. В. Набоков; Л. Н. Толстой; *Пнин*; персональный сверхтекст; время; рецепция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issue of interpreting the work and biographical myth of L.N. Tolstoy in V.V. Nabokov's novel "Pnin." The aim of the study is to examine how through the reconstruction of Tolstoy's personal supertext, Nabokov conveys his philosophy of time. This question is relevant in the context of studying Nabokov's historiosophy and the writer's reflection on his own literary genealogy. The analysis reveals that in Nabokov's reception, Tolstoy is a national genius who was able to recreate the effect of natural time flow. Explicit references to Tolstoy and his biography allow for correlating the characters' reading experience and their perception of time: from frozen time during reading-performance to the reverse flow of time during co-creative reading. The motifs of Tolstoy's works actualize the key problem of the relativity of time for Nabokov. Although the unreliable narrator emphasizes the power of time and fate over the lonely hero, in reality, Pnin has access to multiple temporal dimensions. Just like in "Anna Karenina," the technique of temporal synchronization highlights the interconnectiveness of characters' fates. Tolstoy's personal supertext enables Nabokov to understand the theme of family as a timeless connection between people that defines the characters' place in the world.

Key words:

V.V. Nabokov; L.N. Tolstoy; Pnin; personal supertext; time; reception.

«Лучший из известных мне примеров относительности в литературе»: персональный сверттекст Л. Н. Толстого в романе В. В. Набокова «Пнин»

© Дроздова А. О., 2024

1. Введение = Introduction

Вопрос о том, как в творчестве В. Набокова связано историческое и художественное время, является дискуссионным. С одной стороны, любые общепринятые модели истории или личной судьбы являются для Набокова недостоверными: «Ничто, пожалуй, не было столь чуждо мировоззрению Набокова, как исторический детерминизм, объясняющий настоящее и прогнозирующий будущее в стадияльных категориях» [Долинин, 2004, с. 181]. Набоков отказывает беллетризованным биографиям в исторической и художественной ценности (см. эссе «Пушкин, или правда и правдоподобие»). С другой стороны, в своих произведениях Набоков мифологизирует биографию писателей, конструирует собственный автобиографический миф [Malikova, 2018], создает литературные мистификации [Трубецкова, 2001].

Хью МакЛин обращает внимание на парадокс в набоковском методе интерпретации литературы: «Искусство создает автономные, вымышленные миры, не ограниченные никакими законами и рамками мира, в котором мы живем, — по этим законам искусство нельзя судить; однако обычно искусство опирается на материал нашего мира, и Набоков фанатично настаивает на том, чтобы этот материал был воспроизведен и визуализирован с максимальной точностью» [McLean, 1995, p. 262] (здесь и далее перевод наш. — А. Д.). Так, категория темпоральности оказывается и объектом критики писателя, и областью его экспериментов. По наблюдению А. Арьева, для Набокова искусство «в чистом виде есть выражение вневременной длительности, верифицированный сон» [Арьев, 2002, с. 174]. Как отмечает М. Гришакowa, образы с семантикой темпоральности организуют реминисцентный слой произведений Набокова: «Даты и цифры отсылают к событиям в фикциональном мире, фактам авторского биографического мифа или к реальным историческим событиям. Они также служат средством создания внутритекстовых и интертекстуальных связей» [Grishakova, 2012, p. 76].

Объектом нашего исследования является роман «Пнин» (1957), где, по замечанию Г. Барабтарло, «компрессия времени», «хронологическая двойственность» связана со «смещением двух календарей, русского и западного» [Барабтарло, 2011, с. 184]. Условность времени в романе отмечается Е. В. Падучевой: «Прошлое существует в памяти, и эта форма существования может оказаться более ценной, чем реальное» [Падучева, 2005, с. 928]. Биографии и произведения русских классиков соотнесены с миром прошлого героя-эмигранта Тимофея Пнина, преподающего русский язык в американском университете. Набоков демонстрирует, что опыт восприятия литературы не менее важен для героя, чем его воспоминания. Детерминистическому представлению об устройстве времени писатель противопоставляет законы художественного мироустройства, подчиняющиеся авторской фантазии.

Актуальность работы определяется тем, что для литературоведов значимыми остаются вопрос о рецепции Набоковым философских, художественных, социокультурных моделей времени и осмысление их роли в пространственно-временной структуре произведений писателя. Наиболее изучена связь эстетико-философской системы автора и концепций темпоральности в работах П. Флоренского [Аверин, 2003, с. 94], А. Бергсона [Glynn, 2002, p. 57], Ф. Ницше [Grishakova, 2012, p. 100]. При этом возрастает внимание исследователей к авторским экспериментам с художественным временем: от фантазии о «пространстве, лишенном временного измерения», в «Машеньке» [Букс, 1998, с. 7] до «текстуры» тактильно ощутимого течения времени в романе «Ада» [Saliba Dias, 2020, p. 333] и временных разрывов в «Прозрачных вещах» [Grishakova, 2012, p. 77]. Наше исследование позволит уточнить, как опыт чтения русской литературы влияет на авторское осмысление темпоральности и как сам Набоков оценивает чужие приемы передачи художественного времени.

Новизна нашей работы заключается в том, что реминисценции Набокова к русской классике и ее историко-культурному контексту впервые рассматриваются как способ проблематизации категорий художественного и исторического времени.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследователи, анализирующие интертекст «Пнина», отмечают, что тема времени в романе представлена через аллюзии к «Анне Карениной» Л. Н. Толстого. С. Блэкуэлл считает, что Набоков обращается к «Анне Карениной» как «поэтизированному варианту “относительности”»: отсылки на произведение подчеркивают важную для писателя «связь между временем и сознанием» [Блэкуэлл, 2022, с. 277]. Схожую функцию реминисцен-

ций к Толстому выделяет О. Воронина: «Отсылки Набокова к “Анне Карениной” подчеркивают такие свойства личности Пнина, как рассеянность и нерадивость во всем, что связано со временем» [Воронина, 2023, с. 448].

Цель нашей статьи — установить, как в романе «Пнин» Набоков создает персональный свертхтекст Толстого, участвующий в организации авторской модели времени.

Работа опирается на сравнительно-исторический метод, позволяющий определить формы авторской интерпретации наследия Толстого и его биографического мифа. Метод целостного анализа художественного текста используется для выявления функций персонального свертхтекста Толстого в пространственно-временной и мотивно-образной структуре романа.

Анализу персональных (именных) свертхтекстов в творчестве Набокова посвящена серия статей Е. К. Беспаловой и Л. Р. Шмигельской. Отмечается, что биографический миф Толстого не только является объектом сакрализации, но и профанируется писателем (например, используется мифология «Толстой-сноб») [Беспалова и др., 2023, с. 11]. Исследование сосредоточено в основном на характеристике образа Толстого, при этом ученые не комментируют интерпретацию Набоковым художественной системы писателя. Наша работа расширит представление о персональном свертхтексте Толстого, который в творчестве В. Набокова не ограничивается биографическим мифом, но включает традицию интерпретации романов, ключевые мотивы и образы прецедентных текстов Толстого.

Характеристика персонального (именного) свертхтекста опирается на подход, представленный в работах [Меднис, 2011; Зырянов, 2014; Купина и др., 1994]. Персональный свертхтекст, как и другие типы свертхтекстов (локальные, ситуационные), характеризует «тесная и специфическая связь с внетекстовыми образованиями» [Меднис, 2011, с. 107], имеющими общекультурную значимость. Наряду с «культурно-биографическими характеристиками» [Меднис, 2011, с. 108] важной составляющей свертхтекста является интертекстуальность [Меднис, 2011 с. 103]. Мы полагаем, что именно в актуализации ключевых мотивов произведений и их историко-культурного контекста проявляется набоковский метод создания персонального свертхтекста Толстого.

Согласно нашей гипотезе, Набоков не только переносит персональный свертхтекст Толстого на американскую почву, но и осмысляет поэтологическую проблему — связь между «временем произведения» и «временем читателя» (см. термины в работе [Кандрашкина, 2011, с. 1217]).

Эта проблема важна для Набокова в контексте его языкового перехода и адаптации собственной эстетической системы к англоязычной читательской среде. Так, в лекциях для американских студентов писатель акцен-

тирует «уникальное для мировой литературы чувство времени» Толстого [Набоков, 2016, с. 287]. Набоков обращает внимание на то, что Толстой синхронизует сюжетные линии семи персонажей «Анны Карениной» и формирует у читателя «чувство времени, удивительно созвучное нашему восприятию» [Набоков, 2016, с. 227]. В «Пнине» временными парадоксами «Анны Карениной» восхищается главный герой: «Заметьте, <...> что существует значительная разница между духовным временем Лёвина и физическим Вронского. <...> Это лучший из известных мне примеров относительности в литературе» [Набоков, 2023, с. 163].

Сверхтекст Толстого представлен в романе с точки зрения «времени произведения» — как биографические нарративы о писателях и их «вечных книгах», которые обсуждают профессор Пнин, его друзья-эмигранты и иностранные студенты; с точки зрения «времени читателя» — как объект авторского художественного эксперимента, динамическая система.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Биографический миф Толстого: застывшее и вновь ожившее время

Прямые отсылки к биографии и произведениям Толстого указывают на то, что герои «Пнина» мифологизируют творчество писателя. Персонажи ищут параллели к событиям собственной личной жизни в биографии Толстого и его произведениях. Ни один из героев не избегает наивного прочтения литературы, смешивая условно-реальное и художественное время. Возможности восприятия героями времени показаны Набоковым в связи с разными режимами чтения: чтением-исполнением, наивным и пристальным чтением.

Чтение-исполнение представлено в комическом ключе, ср. отрывок: «...томная Айлина Лэйн, которой кто-то сказал, что, выучив однажды русский алфавит, можно в принципе читать “Анну Карамазову” в оригинале» [Набоков, 2023, с. 18]. Механистичность чтения проявляется не столько в скрещении заглавий произведений Толстого и Достоевского, сколько в редукции произведения как художественной системы — знаки языка при таком чтении лишаются значения.

В образе Айлины Лэйн Набоков высмеивает и попытки читать классику, не зная языка, и слепое восхищение «литературой больших идей» в современной Набокову критике. Гибридное заглавие выдуманного Лэйн романа — «Анна Карамазова» — отсылает к работе Д. С. Мережковского «Толстой и Достоевский». Мережковский называет «Анну Каренину» и «Братьев Карамазовых» вершинными текстами русской культуры, «далее которых» национальная литература «не пошла, потому что сама русская действительность <...> не пошла далее» [Мережковский, 2000, с. 476].

Набоков, в 1954 году согласившийся подготовить комментарий и предисловие к переводу «Анны Карениной», мог быть знаком и с предисловием Т. Манна к американскому изданию романа 1939 года. Манн не читал роман в оригинале и в интерпретации произведения опирался на работы Мережковского. Писатель называет «Анну Каренину» «величайшим социальным романом мировой литературы» периода «социальной обусловленности творчества» [Манн, 1986, с. 85].

В тезисах Манна и Мережковского звучит идея исторического детерминизма, влияющего на искусство. Такая точка зрения противоположна воззрениям Набокова: «Литература относится не к области общих идей, а к области индивидуальных слов и образов» [Набоков, 2016, с. 444]. Для Набокова время как форма периодизации истории настолько же относительно, насколько и время художественного произведения. На комическое сближение условно-реального и вымышленного миров указывает образ студентки, которая сопоставляется с героиней Толстого: имя «томной» *Eileen Lane* содержит анаграмму французского имени *Anne*.

Другой режим читательской рецепции — наивное чтение — связан с представлением об одномерности времени. Для читателя, эмоционально вовлеченного в фикциональную историю, собственная личная жизнь, биография писателя и сюжеты произведений существуют в одном временном измерении.

Пнин пересказывает аспирантке Бетти Блисс исторический анекдот о романе Софьи Андреевны Толстой с пианистом Сергеем Ивановичем Танеевым: «Жена исполина, исполина Толстого — подумать только! — на старости лет предпочла ему глупого музыканта с красным носом!» [Набоков, 2023, с. 58]. Утверждение Пнина опирается не столько на достоверные сведения о жизни Толстого, сколько на сюжет об адюльтере в «Анне Карениной» и «Крейцеровой сонате». «Красный нос» пианиста отсылает к портрету скрипача из повести Толстого: «И вот пять человек детей, и она обнимает музыканта, оттого что у него красные губы!» [Толстой, 1936, с. 70]. В интимной беседе с привлекательной Бетти Пнин вспоминает о Лизе Боголеповой, изменяющей ему с ненадежным рассказчиком и доктором Эрихом Виндом.

Наивное чтение характеризуется как аффект, вызванный одиночеством Пнина и его тоской по возлюбленной. По наблюдению А. Люксембурга, Пнин в действительности не может распознать «формальные знаки» собственной судьбы [Люксембург, 2004, с. 20]. Это происходит из-за того, что опыт несчастной любви воспринимается героем через призму сюжетов Толстого. Актуальным для Пнина оказывается не настоящее время (момент его разговора с Бетти), а прошлое, приобретающее в его воспоминаниях черты фикциональной истории. Горе обостряет чувствительность героя к вымышленным мирам, но и притупляет его восприятие времени.

Наивное чтение связано также с иллюзорным представлением о времени как об объективной величине. По мысли Набокова, гениальный художник не описывает знакомый читателям исторический период, а формирует собственные темпоральные законы.

Автономность личности Толстого в своей исторической эпохе — тема раннего стихотворения Набокова «Толстой»: «А мы еще не можем отказаться / от слишком лестной близости к нему / во времени» [Набоков, 2009, с. 592]. Эта тема продолжается в «Пнине». Отец Пнина не только является современником Толстого, но и знает его лично: «Д-р Павел Пнин, окулист с солидной репутацией, однажды имел честь лечить Толстого от конъюнктивита» [Набоков, 2023, с. 32]. Культурная и временная близость героев к писателю создает иллюзию того, что произведения Толстого исторически достоверны.

Биографическая подробность подчеркивает важную для Набокова тему соотносительности судеб вне времени. Миф о Толстом включается в «узор судьбы» Пнина через мотив глазного заболевания. Набоков актуализирует библейские коннотации мотива (ср. «в чужом глазу соломину видеть»): «Мое первое воспоминание о Тимофее Пнине связано с угольком, попавшим мне в левый глаз» [Набоков, 2023, с. 217]. «Кусочек угля» символизирует черствость рассказчика по отношению к своему коллеге Пнину и к Лизе Боголеповой, которая из-за влюбленности в N. пытается покончить с собой. В этом контексте конъюнктивит Толстого указывает на неоднозначную авторскую оценку этических воззрений классика, ср. в «Лекциях по русской литературе»: «Творчество <...> попросту вытеснило его учение» [Набоков, 2016, с. 223].

Чтению-исполнению и наивному чтению противопоставляется пристальное изучение произведения, близкое сотворчеству. В воображении вдохновленного читателя текст, обладающий документальной, а не эстетической ценностью (фотография, советский фильм), оказывается интерактивным «живым» миром. Режим пристального чтения передается с помощью повествовательного приема, который можно обозначить как «переход из одного пространства-времени в другое через “двойную экспозицию”» (см. подробное описание приема в «Даре» [Левин, 1981, с. 207]).

Двойная экспозиция используется в третьей главе, где Пнин идет в библиотеку, чтобы погрузиться в свои историко-литературные исследования. Совмещаются пространство улицы и фотография Толстого из 18 тома сборника «Зол. Фонд. Лит». На фотографии Толстой гуляет по луку — вэйндельская улица также сравнивается со степью: «...вдали печально, как в степи, свистнул поезд» [Набоков, 2023, с. 94]. И Толстого, и Пнина в прогулке сопровождают животные: «...за ним [Толстым] стояли долгогривые лошади» — «...щуплая белка сиганула через залитый солнцем снежный

островов» [Набоков, 2023, с. 94—95]. Окружение Пнина уподобляется черно-белой фотографии: «голубиная стая <...> то серая (паренье), то белая (взмах крыльев)», «поскользнулся на грязном черном льду», «черный портфель», «тень от ствола, оливково-зеленая на дерне, делалась дальше серо-голубой» [Набоков, 2023, с. 94]. Эффект погружения в фотографическое изображение связан с ощущением замедленного времени: «...мерно покачивал его [портфель] на кожаной скобке, *шагая* к своим книгам» [Набоков, 2023, с. 94] (курсив наш. — А. Д.).

Передавая эффект совмещения разных пространственно-временных планов, Набоков использует мотив сновидения: дневные впечатления героя смешиваются с деталями советской кинохроники и пространством фотографии Толстого. В сон погружен не только герой, но и вещи вокруг него: «З.Ф.Л. теперь спал у Пнина на коленях» [Набоков, 2023, с. 103]. Луг, по которому на фотографии идет Толстой, в пространстве советского фильма оказывается сельскохозяйственным угодьем, полем: «Дорога вывела к романтическому, раздольному, любимому, светлому простору большого поля <...> (лошади скачут прочь меж высоких цветов <...>)» [Набоков, 2023, с. 105]. Герой оказывается в центре временной аномалии: «анахроническое жилище», «поле, не скошенное временем». Во сне Пнина время движется в обратном порядке: от сталинской эпохи, задокументированной в фильме, к молодости Пнина, который во сне «опять был юношей», и времени Толстого.

Таким образом, отсылки к биографическому мифу Толстого и к «Анне Карениной» указывают на разные режимы чтения и восприятия времени героями: 1) застывшее время непрочитанной книги; 2) параллельный ход прошлого и настоящего (Толстой и его персонажи как элементы воспоминаний Пнина); 3) нелинейный, обратный ход времени во время пристального чтения-изучения. Отсылки к произведениям Толстого или упоминания его эпохи высвечивают проблему недостоверности исторических нарративов: образ Толстого-классика оказывается стереотипом или иллюзией восприятия погружившегося в воспоминания героя. Именно со-творческое чтение литературных произведений позволяет героям обострить собственное восприятие времени.

3.2. «Чувство времени»: толстовские приемы в «Пнине»

Набоков использует мотивы и приемы, которые в «Лекциях по русской литературе» связывает с уникальным художественным стилем Толстого и особенностями темпоральной структуры его произведений. Обращаясь к толстовским приемам, писатель осмысляет ключевую для произведений классика и собственного творчества тему семьи как части «естественной жизни» [Набоков, 2016, с. 254]. Сближаясь с сыном Виктором, Пнин обретает свое место в мире, который ошибочно кажется ему опасным, страшным местом.

Говоря о «естественной жизни», Набоков отмечает сюжетную связь между эпизодами родов Китти и самоубийства Анны: «Рождение ребенка и рождение души (в смерти) описаны в тех же выражениях, сопряженных с тайной, ужасом и красотой. Роды Кити и смерть Анны сходятся в этой точке» [Набоков, 2016, с. 258]. Писатель использует толстовский прием синхронизации нескольких сюжетных линий в первой главе. Кульминацией злослучений Пнина по пути в Кремону оказывается сердечный приступ, который происходит в то же время, что и роды жены станционного служащего. Судьбы Пнина и второстепенного персонажа пересекаются: оба героя участвуют в «рождении души». Как и в «Анне Карениной», в предсмертном состоянии Пнин видит ослепляющий свет: «...зрение было сплошным овальным страданием из-за косых кинжальных ударов света» [Набоков, 2023, с. 34]. Пнин не просто вспоминает свое детство, но переживает иную временную точку зрения: «Чувство, что он опаздывает на какую-то точно назначенную встречу, столь же неукоснительную, что и час начала занятий <...>, заставляло его неуклюже торопиться» [Набоков, 2023, с. 35]. Герой не умирает в результате припадка, и, более того, служащий помогает Пнину, отправляя его в Кремону вместе со своими знакомыми дальнбойщиками. Это событие синхронизуется с родами жены служащего: «Я надеюсь, ваша жена благополучна? / — Что ей сделается. Видать, не сегодня, так завтра» [Набоков, 2023, с. 36]. «Рождение души» Пнина и рождение ребенка служащего откладываются.

Хотя рассказчик подчеркивает одиночество Пнина в чужой среде («бедный Пнин оказался посреди чужого города» [Набоков, 2023, с. 30]), внутренняя жизнь героя резонирует событиям, напрямую не связанным с его судьбой. Ассоциация с Отечественной войной 1812 года («спинка скамьи <...> ощущалась столь же явственно, что и <...> год великого московского пожара — 1812-й» [Набоков, 2023, с. 36]) связывает видение Пнина и сюжет «Войны и мира» и, в частности, отсылает к эпизоду сна Пьера Безухова о «живом глобусе». Аллюзия указывает на общую для Толстого и Набокова тему жизни как соотнесенности судеб.

Любовная коллизия в «Пнине» восходит к сюжету об адюльтере в «Анне Карениной». С одной стороны, этот сюжет представлен в пародийном ключе. Так, герои нелестно отзываются о Дорианне Карен, «знаменитой фильмовой звезде двадцатых годов» [Набоков, 2023, с. 199], которая путешествует по Швейцарии и Баварии с дочерью доктора Гагена. Героиня Толстого сравнивается с декаденткой, близкой персонажам Оскара Уайльда.

С другой стороны, мотив измены в «Пнине» приобретает трагическую модальность. Как и Анна Каренина, Лиза Боголепова оказывается несчастна с мужчиной, в которого влюбляется. Близость Лизы и героини Толстого под-

черкивается через детали портрета: повторяющаяся деталь облика Анны — «блестящие, казавшиеся темными от густых ресниц, серые глаза», «свет в глазах» [Толстой, 1934, с. 66] — ср. о Лизе: «случайное сочетание блеска и разреза», «глаза ее были светлой, прозрачной голубизны, оттененной черными ресницами» [Набоков, 2023, с. 59]. Если образы Лизы Боголеповой и Анны Карениной сближаются, то бывший муж Лизы Пнин — явный антипод Алексея Каренина: «Пнин дал бы ей развод с той же готовностью, с какой отдал бы свою жизнь» [Набоков, 2023, с. 62]. Мотив измены и отсылки к произведениям Толстого формируют эффект нарушенного читательского ожидания: Набоков травестирует важный для Толстого мотив рока, который звучит в эпиграфе к «Анне Карениной». Так, хотя Пнин сравнивает себя с героем повести «Смерть Ивана Ильича», он не умирает в финале романа (см. подробнее об этом: [Воронина, 2023, с. 481—482]).

Семейная тема в «Пнине» связана также с толстовским мотивом «двойного сна», о котором Набоков пишет в лекции: «[один и тот же сон] скрепляет вензелеобразной связью два индивидуальных сознания — случай хорошо известный в так называемой реальной жизни» [Набоков, 2016, с. 268]. На реминисценцию к Толстому указывает диалог Пнина и Виктора о русской классике: «Первое описание тенниса находится в “Анне Карениной”, романе Толстого, и относится к 1875 году» [Набоков, 2023, с. 134]. Произведение Толстого оказывается поверхностным предлогом для сближения Пнина и его названного сына: герой ошибочно думает, что Виктор увлекается спортом. Однако, вопреки коммуникативной неудаче, воссоединение семьи происходит: о нем свидетельствует «двойной сон» героев, где Пнин оказывается королем-изгнанником.

В снах Виктора и Пнина присутствуют повторяющиеся детали: «он убежал по огромным черным лужам под луной», «фантастический дворец» (сон Пнина [Набоков, 2023, с. 139]) — «ничто, кроме этой пелены дождя, <...> не защищает Дворец от мятежа» (сон Виктора [Набоков, 2023, с. 107]); «таинственный избавитель в тархтящей лодке» (сон Пнина [Набоков, 2023, с. 139]) — «безупречный американец, искатель приключений, обещал выйти к нему на мощном катере» (сон Виктора [Набоков, 2023, с. 109]); «на песчаном пляже, по которому Пнин все еще шагал» (сон Пнина [Набоков, 2023, с. 140]) — «мерил шагами пляж Богемского взморья» (сон Виктора [Набоков, 2023, с. 109]). В романе Набокова двойной сон не только подчеркивает связь героев, но и высвечивает временной парадокс: Виктор ощущает связь с Пниным еще до того, как знакомится со своим отцом. События коллективной памяти («осадок разных домашних упоминаний о бегстве русских образованных людей») в индивидуальном сознании превращаются в фантазию, «снотворное средство» [Набоков, 2023, с. 110].

Другой мотив «Анны Карениной» — мотив «опрокинутого» времени (метафора Набокова [Набоков, 2016, с. 290]) — используется в пятой главе, где Пнин и его знакомые, русские эмигранты, вспоминают о своей жизни в России. Сама архитектура поместья Кука, где встречаются персонажи, указывает на неопределенность его временной локализации: «перила лестницы и по крайней мере одна из балясин относились к 1720 году», «полувековые золотистые обои на стенах», «романтический палисандровый диван» [Набоков, 2023, с. 156—157]. Здесь же Пнин и Болотовы обсуждают «лучший из <...> примеров относительности в литературе» в «Анне Карениной» [Набоков, 2023, с. 163].

В композиционном центре главы — ожившее воспоминание Пнина о его возлюбленной Мире Белочкиной, погибшей в лагере смерти. Герой оказывается на пересечении прошлого и настоящего: «две керосиновые лампы уютно освещали террасу дачи» [Набоков, 2023, с. 166], «с ясностью галлюцинации увидел Миру, высказывающую <...> в сад» [Набоков, 2023, с. 167] — речь идет и о русской даче, и об американском поместье. Сближаются точка зрения профессора Пнина, испытывающего сердечный припадок, Пнина-юноши, влюбленного в Миру, и точка зрения самой Миры, умирающей в концлагере: «убили, впрыснув ей фенола в сердце, в то самое кроткое сердце, биенье которого ты слышал под своими губами в сумерках прошлого» [Набоков, 2023, с. 169].

Вспоминая об обстоятельствах убийства Миры, герой оказывается во временной аномалии. Место убийства его возлюбленной — слепое пятно истории: «...это в часе ходьбы от Веймара, где гуляли Виланд, Гердер, Гёте, Шиллер» [Набоков, 2023, с. 170]. В этом же абзаце рассказчик цитирует слова президента Вэйндельского университета: «...по адресу другого застенка, “России, — страны Толстого, Станиславского, Раскольникова и других превосходных, великих людей”» [Набоков, 2023, с. 170]. Трагическая модальность сменяется комической. Точка зрения иностранца, не знакомого с русской культурой, представлена в пародийном ключе: исторические личности перечислены в одном ряду с вымышленным персонажем-убийцей. В контексте воспоминаний Пнина о Мире эта оговорка высвечивает неоднородность времени. Хотя временные линии читателя и литературных героев идут параллельно, это не мешает читателю сопереживать вымышленным личностям, соотносить фикциональный и условно-реальный миры. Также и фантазия Пнина о смерти Миры указывает на возможность пересечения реальностей: «Быть может, души умерших образуют комитеты, которые на своем непрерывном заседании решают участь живых» [Набоков, 2023, с. 170]. Потусторонний мир возлюбленной и условно-реальный мир Пнина соотнесены как реальность читате-

лей и мир литературных героев. В финале главы на мотив «опрокинутого» времени указывает отсылка к образу жизни-книги из «Анны Карениной»: «эмблематическая пара, легкой рукой художника помещенная на последней странице гаснувшего дня Пнина» [Набоков, 2023, с. 171] — сближают время жизни Пнина и время читателя.

Таким образом, мотивы произведений Толстого подчеркивают условность временной последовательности, причинно-следственной связи в судьбе Пнина. Истинная связь между героями — образная, тематическая — акцентируется, когда воспоминания Пнина соотносятся с вымышленными мирами, и в частности с художественным миром Толстого и фантазиями Виктора. Тема вневременного родства, переданная через реминисценции и аллюзии к «Анне Карениной», противопоставлена мотиву одиночества и отчужденности, акцентированному в речи ненадежного рассказчика.

4. Заключение = Conclusions

В романе «Пнин» писатель конструирует образ Толстого как гения русской литературы, сумевшего передать субъективную и нелинейную природу времени. Факты биографии Толстого, эксплицитные отсылки к его текстам приводятся в пародийном ключе. Они апеллируют к пресуппозиции читателя-обывателя (восприятие «Анны Карениной» как литературы больших идей) и высвечивают манипулятивную стратегию рассказчика. Вопреки читательскому ожиданию, герой «Пнина» избегает «божественного суда», он остается счастлив и обретает семью. В организации персонального сверткста Толстого участвуют аллюзии, отсылающие к мотивно-образной структуре его произведений: используются мотивы «рождения души», измены, двойного сна, «опрокинутого» времени. И в произведениях Толстого, и в «Пнине» эти мотивы актуализируют темы времени (истории) и семьи.

В «Пнине» Набоков обращается к ключевой для Толстого теме семейного счастья. Детерминизму времени, происхождения, истории противопоставляется внутренне родство героев: связь между героями устанавливается посредством вымысла и имеет вневременной характер. Сон Пнина и его сына Виктора указывают на общую способность героев воспринимать фантазии и сны как часть реальности. Любовь Пнина к Лизе Боголеповой также невозможно объяснить рационально, однако в облике ветреной героини сконцентрировано то, что дорого Пнину в произведениях искусства: Лиза напоминает Анну Каренину Толстого и «ясноглазую русалку», воспетую Лермонтовым; ее образ связан с водной стихией («глаза Лизы Пниной <...> словно драгоценные камни чистой воды»), ассоциирующейся у Пнина с Офелией из произведений У. Шекспира и А. Фета.

Тема соотносительности судеб передается с помощью толстовского приема синхронизации нескольких временных линий. Субъективное чувство нелинейного течения времени оказывается достоверней, чем общепринятые представления о времени и истории: биографические анекдоты и о Толстом, и о самом Пнине оказываются мистификацией.

Нелинейное движение времени в романе передается через точки зрения разных персонажей. Набоков связывает читательскую внимательность героев с их субъективным восприятием времени: для героев, читающих книгу «механически», время останавливается; для наивного читателя ритм его жизни и время произведения совмещаются; увлеченный читатель сам оказывается во временной аномалии. Характеризуя героев как читателей, Набоков экспериментирует с возможностью пересечения автономных миров. Так, время читателя и время произведения не совпадают, но оказываются внутренне связаны. По этой модели выстраивается сложная темпоральная структура романа: время потусторонности и мира живых, субъективное время общающихся друг с другом персонажей параллельны, но связаны — «всяк тайл в себе прошедшее» [Набоков, 2023, с. 204].

Подобный принцип наблюдается на уровне субъектной организации романа: «В плане настоящего времени на территории романа Пнина невозможно видеть в обществе N.» [Барабтарло, 2011, с. 226]. Это объясняется тем, что у имплицитного автора, ненадежного автора и героя разный эстетический и читательский опыт. Пнин — читатель Толстого, исследующий время в «Анне Карениной», но не обращающий внимание на временные аномалии в собственном мире. N., ненадежный рассказчик, искажает биографию Пнина в толстовском духе: по его задумке Пнин, как и герой повести «Смерть Ивана Ильича», должен умереть. Рассказчик при этом не догадывается, что его история о поражении Пнина в недружелюбном мире не удастся именно из-за относительного хода времени, переданного в произведениях Толстого. Только автор «Пнина» и лекции об «Анне Карениной» отмечает, что Толстой использует время не для выстраивания линейных хронологических связей, но как уникальный художественный инструмент. Произведения русской классики являются точкой пересечения авторского мира, мира рассказчика-художника и героя.

Реконструируя персональный свертхтекст Толстого, Набоков воспекает безграничность фантазии классика, для которого время и история оказываются творческим материалом. Так, писатель делится с Пниным своим открытием — днем начала действия в «Анне Карениной», рассчитанным по дню прибытия графа фон Бейста на благодарственный молебен. Однако, как отмечает А. Долинин, это «открытие» в действительности является мистификацией: «Набоков <...> приписал ему [Толстому] календарную технику, предвосхищающую прозу XX века, а когда в “цитадели иллюзий”

не нашлось факта, который бы подтвердил остроумную гипотезу, нужный факт просто-напросто придумал, чтобы Толстой выглядел художником набоковского склада» [Долинин, 2022, с. 11]. Хотя Толстой, тщательно высчитывающий время своих произведений, — выдумка писателя, со-творческое чтение «Анны Карениной» вдохновляет Набокова на собственные эксперименты с художественным временем.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Манн Т. Художник и общество : Статьи и письма / Т. Манн. — Москва : Радуга, 1986. — 440 с.
2. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский / Д. С. Мережковский. — Москва : Наука, 2000. — 587 с. — ISBN 5-02-011599-1.
3. Набоков В. В. Лекции по русской литературе / В. Набоков. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 448 с. — ISBN 978-5-389-11253-7.
4. Набоков В. В. Пнин : роман / В. В. Набоков / пер. С англ. Г. Барабтарло при участии В. Набоковой. — Москва : АСТ : CORPUS, 2023. — 320 с. — ISBN 978-5-17-137839-4.
5. Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / В. В. Набоков. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2009. — Т. 2. — 784 с. — ISBN 978-5-89091-389-0.
6. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 91 томе. Анна Каренина / Л. Н. Толстой. — Москва : Художественная литература, 1934. — Т. 18. — 555 с.
7. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Произведения 1889—1890 / Л. Н. Толстой. — Москва : Художественная литература, 1936. — Т. 27. — 765 с.

Литература

1. Аверин Б. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции / Б. Аверин. — Санкт-Петербург : Амфора, 2003. — 399 с. — ISBN 5-94278-471-X.
2. Арьев А. Вести из вечности (о смысле литературно-философской позиции В. В. Набокова) / А. Арьев // В. В. Набоков : pro et contra. Метариалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова. Антология. — Санкт-Петербург : Издательство РХГИ, 2002. — Т. 2. — С. 169—193. — ISBN 5-88812-139-8.
3. Барабтарло Г. Сочинение Набокова / Г. Барабтарло. — Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. — 464 с. — ISBN 978-5-89059-160-9.
4. Беспалова Е. К. Именной свертхтекст в творчестве В. В. Набокова. Статья 3 : Толстовский текст / Е. К. Беспалова, Л. Р. Шмигельская // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2023. — № 9 (3). — С. 3—13.
5. Блэкуэлл С. Перо и скальпель. Творчество Набокова и миры науки / С. Блэкуэлл. — Бостон, Санкт-Петербург : Academic Studies Press, Библиороссика, 2022. — 391 с. — ISBN 978-5-907532-10-6.
6. Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова / Н. Букс. — Москва : Новое литературное обозрение, 1998. — 208 с. — ISBN 5-86793-033-5.

7. Воронина О. Тайнопись : Набоков. Архив. Подтекст / О. Воронина. — Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2023. — 584 с. — ISBN 978-5-89059-520-1.
8. Долинин А. Время в художественных текстах и комментариях к ним / А. Долинин // Slavica Revalensia. — 2022. — Vol. 9. — Рр. 9—38. — DOI: 10.22601/SR.2022.09.01.
9. Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина : Работы о Набокове / А. Долинин. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. — 400 с. — ISBN 5-7331-0283-7.
10. Зырянов О. В. Феноменология «ситуационных» сверхтекстов в лирике : (к постановке вопроса) / О. В. Зырянов // Диалоги классиков — диалоги с классикой : сб. науч. ст. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — С. 13—40. — ISBN 978-5-7996-1274-0.
11. Кандрашкина О. О. Категории пространства, времени и хронотопа в художественном произведении и языковые средства их выражения / О. О. Кандрашкина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2011. — № 2—5. — С. 1217—1221.
12. Купина Н. А. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек — Текст — Культура : коллективная монография. — Екатеринбург : Полиграфист, 1994. — С. 214—233.
13. Левин Ю. И. Об особенностях повествовательной структуры и образного строя романа В. Набокова «Дар» / Ю. И. Левин // Russian Literature. — 1981. — № 9. — С. 191—230.
14. Люксембург А. Вивиан Дамор-Блок и вивисекция слова : Английская проза Владимира Набокова / А. Люксембург // Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений в 5 томах. — Санкт-Петербург : «Симпозиум», 2004. — Т. 1. — С. 9—23. — ISBN 5-89091-016-7.
15. Меднис Н. Е. Поэтика и семиотика русской литературы / Н. Е. Меднис. — Москва : Языки славянской культуры, 2011. — 232 с. — ISBN 978-5-9551-0482-9.
16. Падучева Е. В. Игра со временем в первой главе романа В. Набокова «Пнин» / Е. В. Падучева // Язык. Личность. Текст : Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. — Москва : Языки славянских культур, 2005. — С. 916—931. — ISBN 5-9551-0103-9.
17. Трубецкова Е. Г. Литературные мистификации Набокова и Ходасевича / Е. Г. Трубецкова // Набоковский вестник. — Санкт-Петербург : Дорн, 2001. — Выпуск 6. Набоков и Серебряный век. — С. 56—63. — ISBN 5-85447-018-7.
18. Glynn M. Vladimir Nabokov : Bergsonian and Russian Formalist Influences in His Novels / M. Glynn. — New York : Palgrave Macmillan, 2007. — 202 p. — ISBN 978-1-349-73844-1.
19. Grishakova M. The Models of Space, Time and Vision in V. Nabokov's Fiction : Narrative Strategies and Cultural Frames / M. Grishakova. — Tartu : Tartu University Press, 2012. — 322 p. — ISBN 978-9949-32-068-4.
20. Malikova M. Authorial Persona / M. Malikova // Vladimir Nabokov in Context. — Cambridge : Cambridge University Press, 2018. — Pp. 59—67. — ISBN 978-1-107-10864-6.
21. McLean H. Lectures in Russian Literature / H. McLean // The Garland Companion to Vladimir Nabokov. — New York, Oxon : Routledge, 1995. — ISBN 0-8153-0354-8.
22. Saliba Dias N. Embodied Memories in Ada, or Ardor and Speak, Memory / N. Saliba Dias // The Five Senses in Nabokov's Works. — Chan : Palgrave Macmillan, 2020. — Pp. 331—345.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024,
одобрена после рецензирования 03.04.2024,
подготовлена к публикации 09.04.2024.

Material resources

- Mann, T. (1986). *The artist and society: Articles and letters*. Moscow: Raduga. 440 p. (In Russ.).
- Merezhkovsky, D. S. (2000). *L. Tolstoy and Dostoevsky*. Moscow: Nauka. 587 p. ISBN 5-02-011599-1. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2016). *Lectures on Russian literature*. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. 448 p. ISBN 978-5-389-11253-7. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2023). *Pnin: roman*. Moscow: AST Publishing House: CORPUS. 320 p. ISBN 978-5-17-137839-4. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2009). *The Russian period. Collected works in 5 volumes, 2*. St. Petersburg: Symposium. 784 p. ISBN 978-5-89091-389-0. (In Russ.).
- Tolstoy, L. N. (1934). *Complete works in 91 volumes. Anna Karenina, 18*. Moscow: Fiction. 555 p. (In Russ.).
- Tolstoy, L. N. (1936). *Complete works. Works of 1889—1890, 27*. Moscow: Fiction. 765 p. (In Russ.).

References

- Aryev, A. (2002). News from eternity (on the meaning of V. V. Nabokov's literary and philosophical position). In: V. V. Nabokov: pro et contra. *Metarials and research on the life and work of V. V. Nabokov. An anthology, 2*. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences. 169—193. ISBN 5-88812-139-8. (In Russ.).
- Averin, B. (2003). *The Gift of Mnemosyne: Nabokov's Novels in the context of the Russian autobiographical tradition*. St. Petersburg: Amphora. 399 p. ISBN 5-94278-471-X. (In Russ.).
- Barabtarlo, G. (2011). *Nabokov's essay*. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. 464 p. ISBN 978-5-89059-160-9. (In Russ.).
- Bespalova, E. K., Shmigelskaya, L. R. (2023). Nominal supertext in the works of V. V. Nabokov. Article 3: Tolstoy text. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences, 9 (3)*: 3—13. (In Russ.).
- Blackwell, S. (2022). *Pen and scalpel. Nabokov's creativity and the Worlds of Science*. Boston, St. Petersburg: Academic Studies Press, Bibliorossika. 391 p. ISBN 978-5-907532-10-6. (In Russ.).
- Buks, N. (1998). *The scaffold in the Crystal Palace. About Russian novels by Vladimir Nabokov*. Moscow: New Literary Review. 208 p. ISBN 5-86793-033-5. (In Russ.).
- Dolinin, A. (2004). *The True Life of the writer Sirin: Works on Nabokov*. St. Petersburg: Academic Project. 400 p. ISBN 5-7331-0283-7. (In Russ.).
- Dolinin, A. (2022). Time in literary texts and comments on them. *Slavica Revalensia, 9*: 9—38. DOI: 10.22601/SR.2022.09.01. (In Russ.).
- Kandrashkina, O. O. (2011). Categories of space, time and chronotope in a work of art and linguistic means of their expression. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2—5*: 1217—1221. (In Russ.).
- Kupina, N. A., Bitenskaya, G. V. (1994). Overtex and its varieties. In: *Man — Text — Culture: a collective monograph*. Yekaterinburg: Polygraphist. 214—233. (In Russ.).
- Levin, Yu. I. (1981). On the features of the narrative structure and figurative structure of V. Nabokov's novel "The Gift". *Russian Literature, 9*: 191—230. (In Russ.).
- Luxemburg, A. (2004). Vivian Damore-Block and vivisection of words: English prose by Vladimir Nabokov. In: *Nabokov V. V. The American period. Collected works in 5 volumes, 1*. St. Petersburg: "Symposium". 9—23. ISBN 5-89091-016-7. (In Russ.).

- Mednis, N. E. (2011). *Poetics and semiotics of Russian literature*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 232 p. ISBN 978-5-9551-0482-9. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2005). The game with time in the first chapter of V. Nabokov's novel *Invitation of a Stranger*. In: *Language. Personality. Text: Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of T. M. Nikolaeva*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 916—931. ISBN 5-9551-0103-9. (In Russ.).
- Trubetskova, E. G. (2001). Literary hoaxes of Nabokov and Khodasevich. In: *Nabokovsky Bulletin*, 6. St. Petersburg: Dorn. 56—63. ISBN 5-85447-018-7. (In Russ.).
- Voronina, O. (2023). *Cryptography: Nabokov. Archive. The subtext*. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. 584 p. ISBN 978-5-89059-520-1. (In Russ.).
- Zyryanov, O. V. (2014). Phenomenology of “situational” supertexts in lyrics: (to pose a question). In: *Dialogues of classics — dialogues with classics: collection of scientific articles*. Yekaterinburg: Publishing House of the Urals. Unita. 13—40. ISBN 978-5-7996-1274-0. (In Russ.).

*The article was submitted 08.02.2024;
approved after reviewing 03.04.2024;
accepted for publication 09.04.2024.*